

А.Е. Гришин[✉], В.А. Чертыков, А.В. Выборнов[✉]

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия

E-mail: artem-grishin@mail.ru; vybornov@archaeology.nsc.ru

Памятник Югачи-1 (Хакасско-Минусинская котловина) – новый источник по изучению позднетагарских древностей: могильник, поселение

Публикуются первые сведения об исследованном в ходе спасательных работ памятнике стоянка Югачи-1 в Хакасско-Минусинской котловине (Аскизский р-н, Республика Хакасия). Объект располагается в горно-таежной местности, на юге котловины. Территория памятника использовалась как ритуальная и поселенческая площадка в раннем железном веке, Средневековье и в этнографическое время. Большинство комплексов объекта предварительно отнесены к позднему этапу бытования тагарских древностей (тесинская культура). Исследованы остатки грунтовой могилы (погр. 4) с погребальным срубом (четыре венца, соединение «в шип»). Могила нарушена в древности и позднее переиспользована в качестве мусорной ямы жителями поселения. Определены фрагменты керамики и антропологические остатки, которые могли быть связаны с первоначальным содержанием комплекса. Исследованы два котлована синхронно существовавших слабоуглубленных полуземлянок тесинской культуры. Котлованы имеют подчетырехугольный контур, размеры 6,5 × 5,4 м (котлован 1), 5,5 × 5,1 м (котлован 2). Представлены различные варианты каркасно-столбовой конструкции сооружений. Котлован 1 предварительно интерпретирован как хозяйственная постройка, котлован 2 – как жилище. Вероятно, они составляли единый комплекс. Внутри котлованов обнаружены углубления хозяйственного и конструкционного назначения. Идентифицированы две отхожие ямы как внутри постройки, так и снаружи. На периферии поселения обнаружено углубление-погреб. Поселенческие конструкции выглядят оригинально на фоне опубликованных свидетельств тагарской домостроительной традиции и значительно дополняют сведения о хозяйственном развитии тагарских коллективов в горно-таежной части ареала распространения культуры. Исследованный памятник обладает хорошим потенциалом для проведения хозяйственных и историко-культурных реконструкций, в т.ч. методами биоархеологии.

Ключевые слова: Хакасско-Минусинская котловина, тесинская культура, грунтовая могила, погребальный сруб, поселение, полуземляночные сооружения.

Artem E. Grishin[✉], Vladimir A. Chertykov, Anton V. Vybornov[✉]

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

E-mail: artem-grishin@mail.ru; vybornov@archaeology.nsc.ru

Yugachi-1 (Minusinsk Depression) Site, a New Object for Studying Late Tagar Antiquities: Burial and Settlement

The information on the Yugachi-1 site in the Minusinsk depression (Askiz district, Republic of Khakassia), investigated by rescue excavations, is published. The object is located in the mountain taiga locale, in the south of the depression. Yugachi-1 was used as a burial and settlement site during the early Iron Age, the Middle Ages, and up to the present. The authors tentatively attribute most of the site complexes to the late stage of the existence of the Tagar antiquities (Tesinskaya culture). A grave (mound 4) with the remains of a wood framework (four tiers of logs, an “in-thorn” connection) were investigated. The grave was disturbed in antiquity and later reused as a waste pit by the inhabitants of the settlement. The authors identify some pottery fragments and anthropological remains that could be associated with the original content of the complex. Two synchronously existing semi-dugout houses of the Tesinskaya culture were investigated. The houses had a sub-rectangular contour, dimensions 6.5 × 5.4 m (pit 1), 5.5 × 5.1 m (pit 2). Their carcass-pillar structure is different.

House 1 was preliminarily interpreted as an outbuilding, while house 2 as a residential building. They probably formed a single complex. Utility and ritual pits were found inside the houses. Two latrines have been identified, both inside and outside the building. In the periphery of the settlement, a pit-cellar was found. House structures look individually against the background of other published evidence of the Tagar house-building tradition. The Yugachi-1 site significantly adds information on the economic development of the Tagar collectives in the mountain-taiga part of the cultural distribution area. The investigated object has a good potential for carrying out economic, historical, and cultural reconstructions, including the bioarcheology methods.

Keywords: Minusinsk depression, Tesinskaya culture, grave, burial wood framework, settlement, semi-dugout houses.

Исследование тагарских поселений в самой Хакасско-Минусинской котловине и в сопредельных регионах в настоящее время явно отстает от анализа погребальных комплексов как по количеству и качеству источников, объему их публикации, так и по стадии их анализа и обобщения (см., напр.: [Ковалева, Поляков, Амзараков, 2020]). Поэтому выявление нового поселения, изученного масштабно, хотя и в короткие сроки, обусловленные спасательным режимом работ, важно для изучения эпохи раннего железа в Южной Сибири.

Памятник Югачи-1 был открыт в ходе разведки 2019 г., проведенной отрядом ИАЭТ СО РАН [Выборнов, Чертыков, 2019, с. 769–770]. Работы велись в рамках мероприятий по сохранению объектов археологического наследия при расширении железнодорожной магистрали на отрезке Биркчул–Югачи на территории Аскизского р-на Республики Хакасия (рис. 1). Объект был квалифициро-

ван как стоянка раннего железного века и Средневековья. Согласно данным разведки, культурный слой распространялся на достаточно обширной территории – 30 284 м². В 2020 г. были проведены работы на части объекта, прилегающей к железной дороге (16 265 м²).

Памятник расположен на сильно выположенной склоновой площадке, на краю резкого перехода к высокой пойме р. Аскиз. Современное название местности на левом и правом берегу Аскиза – Хыстаглар. Растительность лесная, хвойно-лиственная. Долина реки в этом месте достаточно узкая, окружена невысокими, но крутыми возвышенностями. Русло разбито низкими островами на несколько меандрирующих, близко расположенных друг от друга рукавов. Внешних признаков памятник не имел и был выявлен благодаря материалу, обнаруженному в серии шурфов. Очевидно, что при первоначальном строительстве железной

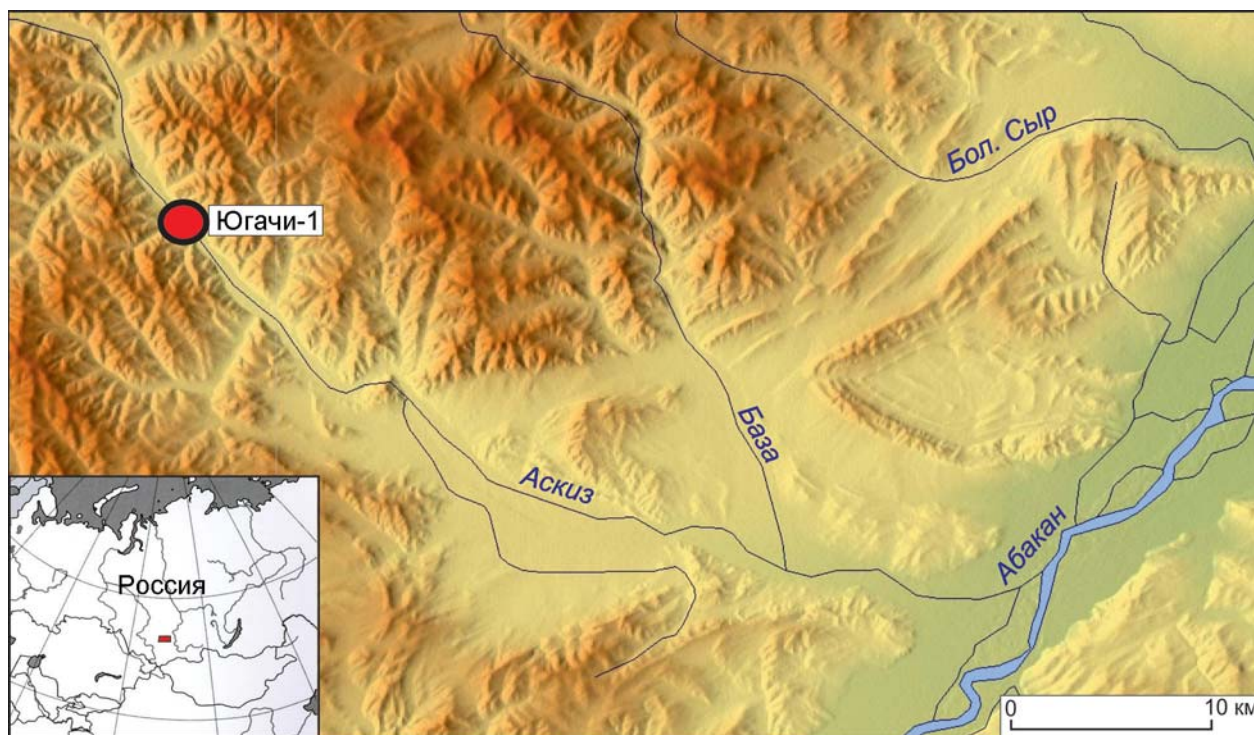

Рис. 1. Участок Западного Саяна и юго-запад Хакасско-Минусинской котловины. Местонахождение памятника Югачи-1 в долине р. Аскиз.

дороги была полностью уничтожена юго-западная часть объекта в области подошвы пологого склона. Остальная часть площадки претерпела значительное техногенное воздействие – она спланирована тяжелой техникой, затем на основную территорию был перемещен грунтовый отвал мощностью до 1,5 м, образовавшийся при врезке для железнодорожного полотна. На территории объекта расположены столбы инфраструктуры железной дороги и линии связи. По памятнику вдоль железнодорожной линии идет грунтовая дорога, отсыпанная щебнем. Кроме того, в границах объекта Югачи-1 зафиксированы значительные выемки грунта, небольшие углубления с отвалами. По территории памятника проходят три оврага сезонного водостока, направленные в сторону поймы.

Поселенческий и большинство ритуальных комплексов, отнесенных нами к позднему этапу тагарской культуры (тесинская культура), расположены в южной части памятника. Данная площадка локализуется на краю склона, у подошвы которого протекает река. Площадка инсолирована большую часть дня. В непосредственной близости от нее находятся участки реки, которые у местных жителей считаются удобными для рыболовства. Кроме того, до техногенного вмешательства площадка была залесена, и лес закрывал ее от господствующего в долине северо-западного ветра. Эти факторы явно учитывались древним населением при выборе места для поселения. По сообщению местных жителей, на памятнике и окружающей территории в XIX–XX вв. находились летние стоянки и зимовья части местных родовых скотоводческих коллективов.

В результате раскопок зафиксированы три культурно-хронологических горизонта: раннего железного века, Средневековья и этнографической современности. Наиболее выразительны комплексы раннего железного века, им и посвящена данная статья. Тагарская культура позднего этапа (тесинская культура) представлена остатками нарушенной в древности погребальной камеры (погр. 4), которая, очевидно, является самым ранним сооружением на площадке, и двумя жилищными котлованами. Датировка этих объектов базируется на комплексе признаков. (1) Форме и конструкции внутримогильного сооружения погр. 4 присущи характеристики, которые известны в кругу тесинской и таштыкской культур. (2) Керамический комплекс в разрушенной могиле и в поселенческих слоях в абсолютном большинстве повторяет форму и размеры, визуально определяемые технологические приемы и состав сырья в известных сериях керамических сосудов из тесинских погребальных объектов (у д. Калы, Тепсей и др.).

(3) В культурном слое найдены предметы, известные в погребальных объектах позднеатагарской культуры, – плоский бронзовый нож, бронзовое шило с обломанным навершием.

Погребение 4 обнаружено в виде пятна серой и палевой мешаной пылеватой супеси, заполненной мелкими фрагментами тагарской керамики и обломками костей животных со следами термического воздействия и без них (рис. 2). Подобные слои, как было установлено в процессе работы, характерны для хозяйственных ям и внежилищного культурного слоя поселения, ближайший котлован которого был расположен всего в 12 м к северу от ритуального объекта. Поэтому углубление первоначально рассматривалось нами исключительно как большая поселенческая мусорная яма, пока в нижней части не были обнаружены элементы деревянной погребальной конструкции. Рельефно западина данной ямы была выражена весьма незначительно, следов внешнего погребального сооружения не зафиксировано.

Верхний контур ямы имел форму, близкую к прямоугольной со скругленными углами, и, по всей видимости, был несколько изменен при древнем нарушении комплекса. Размеры пятна составили 3,25 м по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад и 3 м по линии юго-запад – северо-восток. На глубине 0,85 м от уровня кровли материкового слоя (далее все глубины привязаны к данному уровню) яма приобрела подквадратный контур с длиной грани 2,1 м. Глубина ямы 1,15 м. При разборе заполнения обнаружены границы первоначальной могильной ямы и шурфа «грабителей», заполненного слоем поселенческих отходов. Среди «мусора» также обнаружены многочисленные галечные сколы и обломки (часть со следами утилизации), характерные для поселения. Зафиксированы белесые включения, связанные со следами разложения органики.

Таким образом, очевидны три фазы в истории комплекса: сооружение могилы, «ограбление», многократное и длительное переиспользование углубления в качестве мусорной ямы. Несмотря на нарушения, деревянное внутримогильное сооружение сохранилось сравнительно хорошо. Оно представляло собой деревянный сруб, который имел практически квадратный в плане контур и размеры в плане 1,95 м по линии запад – восток и 2,03 м по линии север – юг. Элементы сруба сильно повреждены норами и при «ограблении», дерево плохой сохранности, покрыто белесым налетом. Верхнее перекрытие не сохранилось. Всего нами зафиксировано по четыре венца на всех стенах. Самый верхний (пятый) элемент у продольных стен, вероятно, относится к перекрытию. Верхние вен-

Рис. 2. Погр. 4 на стоянке Югачи-1.

1 – деревянный сруб и находки в придонной части (вид с юго-запада); 2–6 – фрагменты керамических сосудов из придонной части заполнения.

цы сруба местами были деформированы, нижние сохранили круглую форму сечения. В местах сохранившегося сочленения некоторых бревен сруба был предположительно определен тип соединения венцов – «в шип». Шип располагался на «продольных» элементах сруба. Краевой или сквозной паз (точно разновидность не установлена) изготовлен на обоих концах «поперечных» элементов.

Нижний настил (пол) набран из 17 деталей, вероятнее всего плашек шириной до 0,1 м. Ориентировка элементов настила продольная. Настил не подведен под нижние венцы сруба. В юго-восточном углу участок настила обуглился. Следы огня фиксируются на нижних венцах в этом углу. Плашки настила в месте разведения огня не прогорели полностью. Под настилом идет незначительная прослойка желтой мешаной супеси, а непосредственно на дне ямы залегает прослойка серой супеси общей мощностью до 0,04 м. Эти слои возникли в процессе подготовки ямы и монтажа сруба.

Особое внимание было уделено находкам из придонной части могилы. В юго-восточной части заполнения залегали крупные обломки и целые кости животных (астргалы, фаланга, челюсть, ребра и трубчатые кости, позвонки) и развалы четырех сосудов, состоящие из крупных фрагментов, находившихся в сочленении (сосуды 1–4 – рис. 2, 2–6). Предметы встречались как непосредственно на дне, так и выше него. При этом в средней и верхней части заполнения подобных развалов керамических сосудов выявлено не было. Сосуды 1–3 (красноглиняные, наиболее полные) залегали единым массивом у средней части юго-восточной стенки. Сосуд 4 (сероглиняный) был представлен крупным фрагментом стенки. Возможно, данные сосуды имели отношение непосредственно к погребальному инвентарю. Кроме керамики и костей в придонной части сруба обнаружены обломки зернотерки, фрагмент бересты (взяты пробы), угольки, колотая галька. Среди костного материала, изъятого из всего заполнения объекта, антропологических остатков не найдено (исследование проводила мл. науч. сотр. ИАЭТ СО РАН М.С. Кишкурно).

Данный комплекс является нарушенной в древности грунтовой могилей, возможно кенотафом. Судя по размерам, могила могла быть предназначена для захоронения двух человек. В процессе «ограбления» был полностью изъят антропологический материал, из первоначальных находок, возможно, остались сосуды 1–3 и часть костей животных. После «ограбления» в могиле, вероятно, был произведен поджог как символическое закрытие входа в «мир мертвых». Шурф, оставшийся после проникновения, был использован

при функционировании поселения как мусоро-сборник.

Основную проблему для культурно-хронологической атрибуции погребального сооружения представляют полное отсутствие следов надмогильного сооружения из-за значительного техногенного нарушения верхних напластований и отсутствие жестко привязанного к погребальному комплексу инвентаря. Следует отметить, что зафиксированные нами конструктивные особенности не являются узкодатирующими в рамках тагарских древностей, но остатки деревянных элементов позволяют получить дату радиоуглеродным методом и с помощью дендрохронологических процедур. Однозначна, на наш взгляд, наиболее ранняя относительная хронологическая позиция описанного комплекса для памятника в целом. Пока мы склонны относить данный комплекс к тесинской культуре [Кузьмин, 2011] или позднему этапу тагарской культуры по другим классификациям.

Поселенческий горизонт, занимающий более позднюю хронологическую ступень, представлен двумя котлованами слабо углубленных полуземлянок, существовавших синхронно друг с другом и, возможно, составлявших одну двухкамерную постройку. Были исследованы также разнообразные сооружения хозяйственной периферии.

Котлован 1 имел подчетыреугольный контур (рис. 3); его размеры: длина восточной стены от угла до угла – 6,5 м, южной – 5,4 м, западной – 6 м, северной – 5,5 м. Пол первоначально несколько понижался к центру. В качестве входа мог использоваться подъем на южной границе котлована, где стенки практически нет. Ширина этого пространства около 1,5 м. Вход был обращен к реке. На остальных границах котлована стенки явно оформлены и имеют высоту от 0,17 до 0,3 м, а также значительный наклон – 45° и более. Восточная часть котлована, заполнение и дно, нарушена поздней ямой, носившей, скорее всего, производственный характер. Верхняя часть заполнения котлована сформирована светло-серой или светло-палевой пылеватой неоднородной супесью мощностью до 0,25 м. Здесь залегали разрозненные обломки костей со следами огня и без них, фрагменты керамики. Определенных концентраций археологический материал в данных слоях не образует. Вероятнее всего, находки связаны с переотложенными отходами, первоначально залегавшими на крыше или возле стен конструкции. Нижнюю часть заполнения образуют области бурой пятнистой супеси, яркость цвета которой варьирует. Не исключено, что окрас слоя и его характерная пятнистость связаны с деградацией деревянных элементов конструкции и интерьера. По-

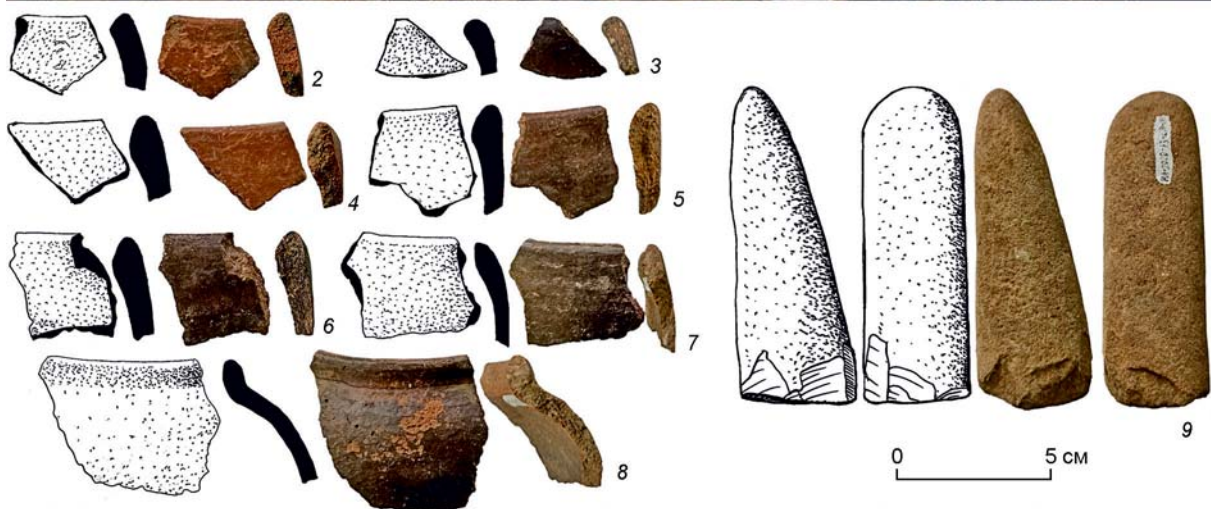

Рис. 3. Котлован полуземлянки 1 на стоянке Югачи-1.

1 – общий вид с северо-востока на уровне дна; 2–8 – фрагменты керамических сосудов; 9 – каменное орудие.

дошва слоя соответствует последнему горизонту обитания и имеет более насыщенный цвет. Здесь встречаются разрозненные фрагменты стенок керамических сосудов. Непосредственно в придонном заполнении у северной стенки была найдена плитка девонского песчаника средних размеров, которая, скорее всего, служила бытовой утварью. Для материкового дна котлована характерны белые включения, природу которых еще предстоит выяснить. В норах на дне северной части котлована были обнаружены скопление из трех астрагалов мелкого рогатого скота, единичный астрагал и скопление фаланг животного. Хотя предметы

найжены в норах, не исключено, что первоначально они находились в небольших ямках.

Достоверно с опорной конструкцией могут быть связаны три ямы. Одна расположена в центре (об. 9), две другие – в противоположных углах котлована, северном и южном. Центральная яма неглубокая и содержит остатки нижней части столба, две остальные, глубиной 0,5–0,74 м, крупных остатков столбов не содержат, но имеют характерное темное бурое заполнение и камни для забутовки. Следов очага в котловане не обнаружено.

Котлован 2 располагался всего в 0,4 м к западу от котлована 1 и имел такую же ориенти-

ровку (рис. 4). Это позволяет предполагать, что оба сооружения могли образовывать единую двухкамерную конструкцию. Стенки котлована пологие. Дно немного понижается к центру. Контур в плане прямоугольный, незначительно вытянутый по линии север – юг. Размеры котлована по верхнему контуру 5,5 × 5,1 м, по нижнему – 4,4 × 5 м. Максимальная глубина сооружения 0,3 м. Внутри котлована зафиксированы две ямы для опорных столбов, которые располагались у средних частей противоположных стенок – северо-восточной и юго-западной. Таким образом, для данной кон-

струкции можно предполагать двускатную крышу. По центру зафиксирован небольшой прокол от очага, который оказался перерезан погребением ребенка (погр. 3), совершенным, по всей видимости, уже в руинированном комплексе.

Котлован 2 имел сходные стратиграфические слои заполнения с напластованиями, описанными для котлована 1. В заполнении также выделялся слой разрушенной кровли с аккумулированным на нем мелким мусором и слой, интерпретированный нами предварительно как остатки дерево-земляной конструкции стен, перекрывающий непосред-

Рис. 4. Котлован полуземлянки 2 на стоянке Югачи-1.

1 – общий вид с северо-востока на уровне дна; 2–6 – фрагменты керамических сосудов; 7 – бронзовый нож *in situ* (вид с юго-запада).

ственно горизонт обитания. К этому уровню тяготеют более крупные, но редкие находки. Ярко выраженных скоплений и развалов керамики выявлено не было. Среди находок – фрагментированные стенки сосудов, кости животных, простейшие орудия на колотой гальке, каменное лощило, бронзовый нож, каменные грузила. Пол имел области с белесыми включениями.

Рядом с северным углом были обнаружены две ямы, одна из которых с характерным золистым заполнением, а другая, глубиной до 0,6 м от уровня пола, была заполнена вышележащим слоем и, вероятно, служила ямой для хранения. Следует упомянуть и три сходные между собой по заполнению и размерам ямки у северо-восточной стены. В двух из них обнаружены три и четыре астрагала мелкого рогатого скота (ср. скопления костей конечностей животных в котловане 1). Данные комплексы, похожие по составу и локализации внутри построек, мы склонны связывать с ритуалами домашней магии.

Кроме позднего детского погребения, перерезавшего очаговый комплекс, в верхней части заполнения, интерпретированной нами как остатки кровли, были обнаружены плечевая и бедренная кости взрослых индивидуумов (индивидуума). Не исключено, что это останки из нарушенного обитателями данного поселка парного погр. 4, что может служить подтверждением нашего предположения об относительной хронологии ритуальной и жилой площадок.

Таким образом, котлован 2 предположительно является жилым помещением, а котлован 1 – хозяйственным. Об этом свидетельствуют наличие очага в котловане 2 и отхожей ямы в котловане 1, меньшие размеры котлована 2, более выраженный в нем слой бурой супеси, которую мы связываем с разложением деревянных элементов конструкции и интерьера.

Кроме котлованов полуземлянок на непосредственно прилегающей территории были обнаружены бытовые и производственные комплексы. Среди них можно идентифицировать яму-погреб, которая после разрушения была заполнена мусором с поселения. Отметим, что она могла быть связана с наземным срубным сооружением, следов от которого не осталось, аналогично тому, как это предполагалось на Ташебинском городке [Кызласов Л.Р., 2001]. Помимо отхожей ямы внутри котлована 1, подобное сооружение идентифицировано в непосредственной близости от остатков этой постройки (в 3 м к юго-востоку). Наличие явных столбовых ям вне котлованов указывает на наличие каких-то сооружений в других частях площадки. Есть и иные объекты (их более 100),

генезис и функциональное назначение которых еще предстоит выяснить.

Традиционно основной исследовательский интерес вызывают срубные тагарские конструкции, прототипы которых усматривают в погребальных деревянных сооружениях. По широко распространенному мнению, именно они запечатлены в известных петроглифах [Кызласов И.Л., 2005; Прищепа, 2018; и др.]. О полуземляночных конструкциях сведений немного. Прямоугольные полуземляночные конструкции известны на тагарских поселениях [Абсалямов, Мартынов, 1979; Членова, 1992; Ковалева, Поляков, Амзараков, 2020]. Но на этих объектах в оформлении стен активно использовался плитняк, зафиксирована иная схема опорного контура и отличное оформление входа. Обнаруженные на стоянке Югачи-1 образцы тагарского домостроительства на данный момент выглядят на фоне известных сооружений весьма оригинально.

Представленный в первом приближении комплекс раннего железного века Югачи-1 обладает хорошим потенциалом для решения задач культурно-хронологической интерпретации и хозяйственной реконструкции как с помощью традиционных методов археологического исследования, так и с применением биоархеологического подхода. Его изучение может дать информацию о взаимодействии различных групп тагарского населения на позднем этапе существования культуры и детализировать древние модели хозяйства в предгорно-таежной части Хакасско-Минусинской котловины.

Благодарности

Авторы искренне благодарны Н.А. Боковенко, С.В. Александрову и А.В. Полякову за советы и консультации при исследовании памятника. Культурно-хронологическая атрибуция и интерпретация материалов археологических полевых работ выполнены в рамках проектов НИР ИАЭТ СО РАН № 0329-2019-0007 «Изучение, сохранение и музеефикация археологического и этнокультурного наследия Сибири» (исполнители – В.А. Чертыков, А.В. Выборнов) и № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях» (исполнитель – А.Е. Гришин).

Список литературы

Абсалямов М.Б., Мартынов А.И. Поселения тагарского и переходного тагаро-таштыкского времени в Хакасско-Минусинской котловине и Ачинско-Мариинской лесостепи // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 1979. – Вып. 10. – С. 60–86.

Выборнов А.В., Чертыков В.А. Археологические разведки в долине реки Аскиз и окрестностях горы Тер-

ская в Республике Хакасия в 2019 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 766–773. doi:10.17746/2658-6193.2019.25.766-773.

Ковалева О.В., Поляков А.В., Амзараков П.Б. Поселение позднескифского времени Рошинское-2 // Теория и практика археологических исследований. – 2020. – № 1 (29). – С. 50–70.

Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. – СПб.: Айсинг, 2011. – 456 с.

Кызласов И.Л. Пратюркские жилища. Обследование саяно-алтайских древностей. – Москва; Самара: ИА РАН, 2005. – 96 с.

Кызласов Л.Р. Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири. – М.: Вост. лит., 2001. – 176 с.

Прищепа Е.В. Проблемы реконструкции жилищ тагарской культуры Хакаско-Минусинской котловины // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2018. – № 427. – С. 153–163. – doi:10.17223/15617793/427/21.

Членова Н.Л. Тагарская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 206–235. – (Археология СССР; [Т. 10]).

References

Absalyamov M.B., Martynov A.I. Poseleniya tagarskogo i perekhodnogo tagaro-tashtytskogo vremeni v Khakassko-Minusinskoi kotlovine i Achinsko-Mariinskoi lesostepi. In *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri*. Kemerovo: Kemerovo State Univ. Press, 1979, iss. 10, pp. 60–86. (In Russ.).

Chlenova N.L. Tagarskaya kul'tura. In *Stepnaya polosа aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya*. Moscow: Nauka, 1992, pp. 206–235. (Arkheologiya SSSR; [vol. 10]). (In Russ.).

Kovaleva O.V., Polyakov A.V., Amzarakov P.B. Late Scythian settlement Roshchinskoe-2. In *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*, 2020, No. 1 (29), pp. 50–70. doi:10.14258/tpai(2020)1(29).-03.

Kuz'min N.Yu. Pogrebal'nye pamyatniki khunno-syan'biiskogo vremeni v stepyakh Srednego Eniseya: Tesinskaya kul'tura. St. Petersburg: Aising, 2011, 456 p. (In Russ.).

Kyzlasov I.L. Pre-Turkic dwellings. Inspection of Sayan-Altai antiquities. Moscow; Samara: IA RAS, 2005, 96 p. (In Russ.).

Kyzlasov L.R. Gunnskii dvorets na Enisee. Problema rannei gosudarstvennosti Yuzhnoi Sibiri. Moscow: Vostochnaya literatura, 2001, 176 p. (In Russ.).

Prishchepa E.V. Reconstruction problems of dwellings of the Tagar culture of the Khakass-Minusinsk basin. *Tomsk State University Bulletin. Series: History*, 2018, No. 427, pp. 153–163. doi:10.17223/15617793/427/21. (In Russ.).

Vybornov A.V., Chertykov V.A. Archaeological Surveys in the Valley of the Askiz River and Around Mount Tersky in the Republic of Khakassia in 2019. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, vol. XXV, pp. 766–773. doi:10.17746/2658-6193.2019.25.766-773. (In Russ.).

Гришин А.Е. <https://orcid.org/0000-0001-8367-2272>

Чертыхов В.А. <https://orcid.org/0000-0002-3240-0311>

Выборнов А.В. <https://orcid.org/0000-0002-9063-5223>